

С.В. Нестерова

Томский политехнический университет

**Песня Арфиста И.В. Гете
в переводе М. Цветаевой и Б. Пастернака**

Аннотация: Статья содержит сопоставительный анализ переводов М. Цветаевой и Б. Пастернака стихотворения «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» из романа И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

The article contains the comparative analysis of translations of poem «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» from the novel of Goethe «Wilhelm Meister's Apprenticeship» by M. Tsvetaeva and B. Pasternak.

Ключевые слова: рецепция, перевод, Гете, Цветаева, Пастернак.

Reception, translation, Goethe, Tsvetaeva, Pasternak.

УДК: 82.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 50. ТПУ, ИМОЯК, кафедра немецкого языка. Тел. (3822) 563563. E-mail: svetanesterova@mail.ru.

В 1929 г. М.И. Цветаева писала А. Тесковой по поводу переводов Рильке: «Я перевожу по слуху – и по духу (вещи). Это больше, чем смысл. <...> Идя по следу поэта, заново прокладывая всю дорогу, которую прокладывал он...» [Белкина, 1992, с. 114]. Поставив во главу угла следование духу оригинала, поэтесса не отступала от этого принципа на протяжении всей своей переводческой деятельности.

Свое понимание поэтического перевода Цветаева выразила также в одном из писем, написанных в ту пору, когда она переводила стихи Пушкина на французский язык: «Мне твердят: Пушкин непереволим. Как может быть непереволим уже переведший, переложивший на свой (общечеловеческий) язык несказанное и несказанное? Но переводить такого переводчика должен поэт» [Цветаева, 1984, с. 107]. Вот почему Цветаева бралась за поэтические переводы: поэт, переводящий другого поэта, легче услышит то, что слышалось автору подлинника. М.И. Цветаева занимает среди переводчиков значительное место. Ее переводы Бодлера и Лорки давно стали классикой. Но переводы с немецкого языка, несмотря на ее особое отношение к Германии и ее культуре, в переводческом наследии Цветаевой немногочисленны. Единственный ее перевод из Гете – стихотворение «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» («Кто с плачем хлеба не вкушал...»). Это песня Арфиста из книги «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. 2, гл. 13). Перевод был выполнен в мае 1941 г. по просьбе выдающейся пианистки М.В. Юдиной, которая, в то время будучи профессором Московской консерватории, готовила со студентами вокального факультета песни Франца Шуберта для исполнения в концертных программах. Поскольку ее не удовлетворяли существовавшие тогда русские переводы гетевских стихотворений, легших в основу песен, то по ее просьбе несколько крупных поэтов (Б.Л. Пастернак, С.Я. Маршак, Н.А. Заболоцкий и Н.А. Кочетков) работали над новыми вариантами переводов. В статье «Создание сборника песен Шуберта» Юдина пишет: «Я не считаю, что обязательно надо петь в подлинниках. Подлинно любя и боготворя русскую поэзию всех веков

(включая нетленную красоту текстов церковнославянских песнопений), я считаю необходимым слышать у Шуберта, Брамса, Малера, а также у Баха – русское слово. Ведь читаем и слышим на сцене мы греческую трагедию и Шекспира в переводах, порою гениальных, например, Лозинского, Пастернака и так далее. А “русский текст” вокальной литературы дает ей ощутимую, слышимую, зримую Всемирность и Вечность, ее Вселенское начало!» [Юдина, 1978, с. 258–259].

Однажды летом 1940 г. при встрече с известным пианистом, профессором той же консерватории Г.Г. Нейгаузом, Юдина рассказывает ему о своих планах по созданию сборника песен Шуберта и о том, что она работает в данный момент с Н. Заболоцким и Б. Пастернаком в качестве переводчиков: «Мы уже у перрона, я направляюсь к электричке, у Генриха Густавовича еще какие-то комиссии; вдруг он хватает меня за рукав: “Дорогая – вот что важно! За это ведь и деньги хорошо платят? Знаете ли вы, что приехала Цветаева и без работы? Дайте, дайте ей работу, дайте эти ваши переводы!” – “Буду счастлива”, – на ходу кричу я и вскакиваю в тронувшийся поездочек...» [Там же, с. 576].

Поначалу Цветаева была рада предоставленной ей возможности переводить Гете. В письме к дочери, А.С. Эфрон, 16 мая 1941 г. она сообщает: «...сейчас, кажется, буду делать ряд новых текстов к песням Шуберта, т.е. – если не ошибаюсь – Гете, это уже – заказ Консерватории. Я очень дружна с Нейгаузом, он обожает стихи. Вообще, все было бы чудно ...» [Цветаева, 1998, т. 7, с. 335].

Однако переводы не получились. По мнению Юдиной, «все самое замечательное, “Песни Арфиста”, несколько “Песен Миньоны” – все не заключало в себе никакой эквиритмичности и ни в какой степени не могло быть спето в музыке Шуберта» [Юдина, 1992, с. 578]. Хотя в стихотворении «Кто с плачем хлеба не вкушал...» только восьмая строка несовместима с мелодией песни Шуберта... Переделывать же эти переводы, подгонять их под музыку Цветаева решительно отказалась. Она не могла и не хотела соглашаться с «неизбежностью музыкальной редакции». В письме от 23 мая 1941 г. к дочери она так обосновывает свой отказ: «А сейчас мне предложили – из Консерватории – новые тексты к гетевским песням Шуберта: песни Миньоны. Не знаю тех переводов, но знаю, что именно эти вещи Гете – непередадимы, не говоря уже о пригнании их к уже существующей музыке: ведь Шуберт-то писал с Гете, а я должна – чтобы можно было петь – писать с Шуберта, т.е. не с Гете, а с музыки. <...> Такие вещи можно переводить только абсолютно вольно, т.е. в духе и в слухе, но – неизбежно заменяя образы, а я этого – на этот раз – не хочу и не могу, ибо это – совершенно. Поэтому – отказываюсь: пусть портят, фантазируют или дают рифмованный подстрочник – другие. Для песен Миньоны стоит изучить язык» [Цветаева, 1998, т. 7, с. 338].

Цветаева полностью перевела и сохранила только одно стихотворение Гете – «*Wer nie sein Brot mit Tränen ass ...*» («Кто с плачем хлеба не вкушал...»). Оно впервые опубликовано в 1967 г. в сборнике переводов М. Цветаевой «Просто сердце», составленном А. Эфрон и А. Саакянц. Это самая трагичная из всех песен Арфиста и Миньоны в романе Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». «Грустная, идущая от сердца жалоба глубоко проникла в душу к слушателю. Ему казалось, что временами слезы прерывают песню старика; тогда звучали одни лишь струны, пока к ним вновь не примешивался тихий срывающийся голос. Вильгельм стоял у дверного косяка, потрясенный душевно; скорбь незнакомца разрешала стеснение его сердца, ответное страдание захлестнуло его, он не мог и не хотел сдерживать слезы, которые, наконец, исторгла и у него из глаз задушевная жалоба старика. Разом нашли исход все муки, что щемили его грудь, он всецело отдался им во власть...» [Гете, 1978, т. 7, с. 110], – так описывается в романе впечатление, которое производит эта песня на душу его главного героя. Ощущения героя, сама песня были очень близки настроению М. Цветаевой в эти последние, трагические годы и дни ее жизни.

Рассмотрим более подробно оригинал стихотворения и его перевод, сделанный М. Цветаевой. В первой части стихотворения она, не достигая полного совпадения с подлинником, очень близка к нему. Особенно показательны в этом отношении первая и четвертая строки: «*Kто с плачем хлеба не вкушал...*» (*Wer nie sein Brot mit Tränen ass / Кто никогда свой хлеб не ел со слезами...*) и «*Том вас не знал, небесные силы!*» («*Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte! / Том вас не знает, небесные силы!*»). Вторая и третья строки изменены по лексическому составу, но близки по смыслу: «*Кто плачем проводив светило / Его слезами не встречал...*» (*Wer nie die kummervollen Nächte / Auf seinem Bette weinend saß / Кто никогда полные печали ночи / На своей кровати плача не сидел...*). Второй части стихотворения Гете Цветаева дает «вольную» поэтическую интерпретацию. У Гете небесные силы вводят человека в жизнь («*Ihr führt ins Leben uns hinein*» / Вы вводите нас в жизнь), поэтесса использует здесь антиномию *сад-ад*, таким образом сад ассоциируется с Эдемом, раем. Небесные силы у Гете позволяют бедному человеку быть виновным («*Ihr laßt den Armen schuldig werden*»), у Цветаевой он подвержен «обольщениям и чарам», вместо гетевского «Потом вы оставяете его мучению» («*Dann überlaßt ihr ihn der Pein*») поэтесса употребляет «Затем свергаете нас в ад»:

У Гете:	У Цветаевой:
Ihr führt ins Leben uns hinein,	Вы завлекаете нас в сад,
Ihr laßt den Armen schuldig werden,	Где обольщения и чары;
Dann überlaßt ihr ihn der Pein:	Затем свергаете нас в ад:
Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.	Нет прегрешения без кары!

*Вы вводите нас в жизнь,
Вы заставляете беднягу стать виновным,
Потом вы предаете его мучениям:
Потому что всякая вина на земле отмщается.*

Библейские мотивы возникают у Цветаевой не случайно. Дело в том, что сам Гете включил в свое стихотворение многие реминисценции из Библии. (Ср.: Лютеранская Библия, Псалмы 6,7: «*Ich bin so müde vom Seufzen; / ich schwemme mein Bett die ganze Nacht / und netze mit meinen Tränen mein Lager*» («Я так устал от стоннов; / я всю ночь терзал мою кровать / и смачивал своими слезами свою постель») Или Псалом 80,6: «*Du speisest sie mit Tränenbrot / und tränkest sie mit einem großen Krug voll Tränen*» («Ты кормишь ее слезным хлебом / и поишь ее из большого кувшина, полного слез»).

Звуковые повторы ударного «а» у Цветаевой в первом четверостишии (плачем, вкушал, слезами, встречал, вас, знал) частично воспроизводят звучание немецких гласных переднего ряда «а», «ае» и дифтонга [ai] в оригинале: *sein, seinem, weinend, ass, saß, Tränen, Nächte, Bette, Mächte*. Фонема [a], «определяемая как полюс компактности и связанная синэстетически с объемом и тяжестью» [Якобсон, 1987, с. 265], проходя через рифмы первых двух четверостиший, придает всему ходу лирической темы характер тревожного ожидания.

В стихотворении Цветаевой гораздо больше, чем у Гете, «жутких» шипящих, свистящих звуков [ш], [ч], [с], «которые на фоне светлых, мелодичных сонорных воплощают семантику предчувствия чего-то мрачного, трагедии, катастрофы» [Широлапова, 1997, с. 123].

Ожидание трагедии Цветаева усиливает, используя антитезу, а именно введя в перевод противопоставление по принципу: божественное, неземное – человеческое, земное. Это нашло отражение в оппозициях сад – ад, чары – кары, обольщения – прегрешения. Благодаря таким противопоставлениям стихотворение становится более драматичным и экспрессивным.

Поэтесса точно воспроизвела в переводе синтаксическую структуру первого четверостишия. Синтаксический параллелизм двух первых строк оригинала, подчеркнутый анафорическим лексическим повтором *wer*, сохраняется в переводе и подчеркивается анафорическим лексическим повтором *кто*:

Wer nie sein Brot mit Tränen ass,	Кто с плачем хлеба не вкушал,
Wer nie die kummervollen Nächte	Кто, плачем проводив светило,
Auf seinem Bette weinend saß...	Его слезами не встречал...
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte!	Тот вас не знал, небесные силы!

Стихотворение Гете написано четырехстопным ямбом, его любимым размером. Цветаева сохраняет размер оригинала. Но ритм перевода и оригинала все-таки различаются. Стихотворение Гете почти целиком состоит из 4-ударных форм, поэтому звучит полновесно и четко. Стихотворение Цветаевой состоит преимущественно из 3- и 2-ударных форм, поэтому оно звучит легко, но замедленно.

Цветаева очень точно воспроизвела перекрестную рифмовку с последовательным чередованием мужских и женских окончаний. При этом на нечетные строки выпадают более энергичные мужские рифмы, на четные строки менее энергичные женские, выражающие незаконченность мысли. В целом же содержание стихотворения обнаруживает нерасторжимое единство с его ритмико-интонационным звучанием.

Кроме того, поэтесса вводит в перевод третье четверостишие, которого нет у Гете:

Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей вселенной!

Цветаева была в стихе такой же максималисткой, как и в жизни. Поэтесса, пишущая «настолько одержимо, “неостановимо”, захлеб, как Цветаева» [Иванов, 1967, с. 10], уже наметившуюся тему стихотворения доводила до предела. Поэтому, несомненно, последнее четверостишие является кульминационным в ее стихе. Предчувствие приближающейся катастрофы, нестерпимость боли от собственной утраты, щемящей печали, невозможности что-либо изменить – все это слышится в последних строках этого четверостишия.

За последние два года своей жизни, после возвращения на родину, она практически не писала собственных стихов. Либо «стихи не шли, не писались», либо «она сама их гнала, не пускала» [Белкина, 1992, с. 112]. Это стихотворение стало одним из последних свидетельств ее творчества.

В это же время похожее состояние испытывал и Борис Пастернак. Об этом свидетельствует Анна Ахматова, в июне 1941 г. записавшая свой разговор с ним: «Это уже у меня на глазах, – пишет Ахматова. – Так и слышу его растерянную интонацию: «Что это со мной?»»

Поскольку Цветаева отказалась предоставить свои переводы для сборника Шуберта, эту работу продолжил Пастернак. В конце 1940 – начале 1941 гг. он перевел 3 песни Миньоны, 3 песни Арфиста из «Вильгельма Мейстера» и «Король в Фуле». В сборник вошли не все эти переводы, а только одна песня «Миньоны» («Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...»), одна из песен Арфиста («Подойду к дверям с котомкой...») и «Король в Фуле». Военное время принесло много трудностей, поэтому из подготовленных сорока песен в сборник вошло только 14. Именно эти переводы Пастернака М.В. Юдина называет одним из главных украшений сборника.

У пастернаковского перевода стихотворения «*Wer nie sein Brot mit Tränen ass...*» («Кто не в борьбе с судьбой окреп...») не очень счастливая судьба. В сборники стихотворений Гете этот перевод составители помещают наименее охотно; З.В. Житомирская не включила его в составленный ею «Библиографический указатель русских переводов Гете»; Г.И. Ратгауз в статье, посвященный пастернаковским переводам произведений Гете, называя это стихотворение, цитирует перевод Тютчева. Похоже, о том, что Пастернак также перевел это стихотворение, литературоведы просто забыли. Тем интереснее нам будет рассмотреть это стихотворение, тем более что оно отличается от предыдущих переводов.

В отличие от перевода Цветаевой, которая развивает мотив плача («*Кто с плачем хлеба не вкушал / Кто, плачем проводив светило, / Его слезам не встречал...*»), Пастернак вводит мотив борьбы: «*Кто не в борьбе с судьбой окреп...*» В переводах проявляется, на наш взгляд, разное отношение к обстоятельствам, в которые попадают сами поэты в момент создания этих переводов. Для Цветаевой это было время отчаянья, на что указывают и письма самой поэтессы, и свидетельства ее друзей и знакомых. Сам факт, что перевод сделан за два месяца до ее гибели, тоже говорит о многом.

У Пастернака, несмотря на то, что его положение в это время было также достаточно тяжелым (смерть матери, аресты друзей и знакомых, после ареста Мейерхольда он сам находился на волосок от гибели), все же был очень силен дух сопротивления. Вот, например, что он пишет Ахматовой 1 ноября 1940 г.: «Дорогая, дорогая Анна Андреевна! Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы хоть немного развеселить Вас и заинтересовать существованьем в этом снова надвинувшемся мраке, тень которого с дрожью чувствую ежедневно и на себе. Как Вам напомнить с достаточностью, что жить и хотеть жить (не по какому-нибудь еще, а только по-вашему) Ваш долг перед живущими, потому что представления о жизни легко разрушаются и редко кем поддерживаются, а Вы их главный создатель» [Пастернак, 1992, с. 402].

Рассмотрим само стихотворение. В первом четверостишии у Гете напряжение достигается тем, что он использует (как мы уже отметили в анализе цветаевского перевода) синтаксический параллелизм двух первых строк оригинала, подчеркнутый анафорическим лексическим повтором *wer*:

Wer nie sein Brot mit Tränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend saß...

Пастернак еще более усиливает напряжение, используя не двойную, а тройную анафору:

Кто не в борьбе с судьбой окреп,
Кто не кропил слезами хлеба,
Кто по ночам от них не слеп...

Мотив обвинения развивается у Гете в следующих строках. Слова, состоящие из одного слога («*ihr*» и «*dann*»), оказываются метрически приподнятыми. Двойная анафора «*Ihr*» в начале строки усиливает напряжение. Возникающая цезура замедляет общий темп речи и подчеркивает таким образом возмущение арфиста:

Ihr führt ins Leben uns hinein,
Ihr laßt den Armen schuldig werden,
Dann überlaßt ihr ihn der Pein...

У Пастернака человек становится уже не пассивно-страдательной фигурой, а личностью, ответственной за себя, за свои деяния; вместо наказания, которому подвергается человек, в переводе речь идет о тяжести страдания как даре – обременительном, но свидетельствующем о силе несущего его человека:

Нас вводят в жизнь в ее разгар
Взвалив на нас поступка бремя,
Чтоб нам страданья тяжесть в дар
Оставить способами всеми.

Ключевой фразой гетевского стихотворения является последняя строка («Denn alle Schuld rächt sich auf Erden / *Потому, что всякая вина отмщается на земле*»). Предыдущие переводчики по-разному интерпретировали концовку данного произведения. Так, у Жуковского речь идет о «мзде» за «вину»: «И вы ж, дав знаться нам с виною, / Страданью выдаете нас, / Вину преследуете мздой».

У Тютчева – об отмщенье за «проступок»: «Нет на земле проступка без отмщенья».

У Цветаевой – о каре за прегрешения: «Нет прегрешения без кары!»

Пастернак же говорит не о вине человека, не о прегрешении, даже не о каком то проступке. Силы неба наказывают человека за любой поступок, а не за вину или какие-нибудь грехи. Это происходило в данный момент в жизни самого Пастернака: некие «высшие силы» готовы были наказать его за общение с Мейерхольдом, за хлопоты то за опальную М. Цветаеву, то за арестованного сына А. Ахматовой, за его письмо к Берии по поводу мужа Н. Табидзе, за отказ ставить свою подпись под письмами. В дневниках А.Н. Афиногенова отразились душевные переживания поэта в это время: «Вчера долго сидели с Пастернаком. Большой разговор об искусстве и жизни... <...> Но как понимать жизнь? Пастернаку тяжело – у него постоянные ссоры с женой. Жена гонит его на собрания, она говорит, что Пастернак не думает о детях, о том, что его замкнутое поведение вызывает подозрения, что его непременно арестуют...» [Афиногенов, 2005, с. 268]. Арфист у Пастернака пеняет силам неба за тяжкое бремя ответственности, без которой невозможна жизнь человека.

Подобная свобода художественного пересоздания оригинала делает стихотворение Пастернака подчеркнуто современным. Он, как справедливо пишет Р. Якобсон, характеризуя стиль Пастернака [Якобсон, 1987, с. 337] «принадлежит своему времени».

Таким образом, в одну эпоху возникли две совершенно разные интерпретации одного произведения, как разные жизненные позиции: у Цветаевой – трагическая, отражающая капитуляцию перед непосильной несправедливостью, мучительностью жизни; у Пастернака – драматическая, отражающая силу личности, готовность к борьбе и к сохранению достоинства перед лицом бесчеловечных законов бытия.

Литература

- Афиногенов А.Н. Из дневника 1937 года // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. 11.
Белкина М. Скрещение судеб. М. 1992.
Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 7.
Иванов В.И. О переводах Марины Цветаевой // Цветаева М.И. Просто сердце. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Цветаевой. М., 1967.
Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1992. Т. 5. Письма.
Цветаева М.И. Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2.
Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997–1998. Т. 7.

Широлапова Н.Ю. Лексико-стилистические средства поэзии Марины Цветаевой. М., 1997.

Юдина М.В. Создание сборника песен Шуберта // Юдина М.В. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978.

Юдина М.В. Несколько слов о великом поэте // Воспоминания о Марине Цветаевой: Сборник. М., 1992.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.